

НА ПЕРЕДОВОЙ – БРЕШЬ

Умер выдающийся человек — личность огромного масштаба. В Академгородке, в комиссии по борьбе с лженаукой, которой руководил он, в Российской академии наук все знали, что академик Эдуард Павлович Кругляков тяжело болен, но всё же на что-то надеялись, и никто не подхватывал знамя из слабеющих рук, никто не спешил — и не мог! — заметить его на посту. Но вот он ушёл, и стало понятно: мы потеряли не просто учёного, а незаменимого борца за высокое дело науки и чистоту всей нашей жизни. Наука и всё современное российское общество заметят потерю героя-бойца. И не просто это уход из жизни, а гибель на посту, сродни ратному подвигу.

Это был настоящий русский интеллигент, в котором всегда жила боль за судьбу Отечества, всей просвещённой мысли в нём. Сродни Дмитрию Сергеевичу Лихачёву, — он никогда не ронял слова всуе, понимая всю глубину ответственности за него, потому что оно исходит из уст Академика. Сродни Валентину Афанасьевичу Коптюгу, чьё сердце остановилось от перенапряжения этой болью.

Ушёл Гражданин России, который не боялся правды в любых её проявлениях: невежество он называл своим именем, от кого бы оно ни исходило, хоть от самого первого лица страны (был такой эпизод в его биографии!); лженауку он изгонял из храма подлинных знаний, даже если это грозило ему очередным публичным конфликтом с самим спикером Государственной Думы; он умел отделять зёрна подлинно научной мысли от плевел конъюктурщины и тем радел, как никто другой, за чистоту научных рядов. Одна из его последних печатных работ, опубликованная, кстати, в «Науке в Сибири», так и называлась «Совместимы ли мракобесие и инновации?». Будь на то наша воля, мы бы рекомендовали её к обязательному прочтению с последующим зачётом для чиновников, распоряжающихся государственными средствами, выделенными на нужды инновационного развития экономики.

Эта статья вошла в юбилейный 10-й номер всероссийского электронного журнала «Бюллетень «В защиту науки!» и, увы, последний прижизненный выпуск главного редактора Э.П. Круглякова. Здесь концентрация духа и мысли автора достигают тех высот публицистики, когда её нужно читать с

карандашом: наука и лженаука, наука и сильные, но не всегда самые образованные мира сего, наука и лжемедицина, современные «кудесники-инноваторы», наука и образование, гнетущая судьба ЕГЭ и т.д. и т.п., как будто автор и редактор знал, что это, может быть, один из самых последних вздохов его, радетеля за чистоту подлинного Знания.

Автору этих строк приходилось видеть Эдуарда Павловича во множестве проявлений. Вот он выступает в радиостудии и ведёт спарринг-схватку с группой равнодушных журналистов. Они наседают на него, отлично понимая его правоту, а он азартно наступая, железными аргументами загоняя темноту в клетку. Лучшего полемиста мне не доводилось видеть, его сарказм вперемежку с дружественной насмешкой был выше всяких похвал. Или вот в Доме учёных выездная редакция журнала «Химия и жизнь» проводит вечеринку «научного кафе», и снова свои, новосибирские и столичные журналисты, кажется, рвут его на части, пытаются загнать в угол не только собственным, но и цитируемым невежеством. И академик снова на высоте, он убеждённо и последовательно утверждает, что только доказанный факт становится достоянием знания.

Но так было далеко не всегда: гораздо чаще он попадал в окружение не единомышленников, а явных или скрытых недоброжелателей, а то и прямых врагов. После одной из нашумевших телевизионных программ с его участием, когда ему давали рот раскрыть ровно настолько, насколько это было совместимо с концепцией авторов, он горько восклицал: «Да они же все там купленные!», и, похоже, был недалёк от истины.

Далеко не все даже в Академгородке понимали его, а уж что там говорить о России, на ура принимающей до сих пор на ведущих каналах Чумака и Кашпировского... Временами ему приходилось очень нелегко. Один человек с учёной степенью на мой вопрос о том, что он думает о Круглякове, сказал: «Драматический, если не сказать трагический пример добровольного суживания сознания!» Не исключено, что в этих жёстких словах есть доля истины, но на передовой — как на передовой, на войне — как на войне, только хорошо отточенный штык способен колоть, удар растопыренной ладонью по блудливой физиономии порока никогда не приведёт в чувство, не заставит отступить или хотя бы опасаться.

Эдуард Павлович не знал компромиссов. За много лет нашего знакомства мне никогда не приходилось слышать от него слов типа «я, конечно, понимаю...» или «объективно говоря...». Если он говорил или писал, то разил, при этом никогда не впадал в поучительную интонацию, менторство было совершенно чуждо тону его беседы или печатной полемики. Он всегда шёл на «вы» с открытым забралом, всегда был готов к встречному удару или молчаливому непониманию.

«Кто боится академика Круглякова?», — после некоторого колебания назвал автор этих строк одну из своих статей об Эдуарде Павловиче. «Коротко, — писал я несколько лет назад, — на этот, им же поставленный вопрос автор

заметок ответил бы так: академика Эдуарда Павловича Круглякова боятся, опасаются, или просто осторожно относятся к нему те, кто не любит ясных простых истин, на которых держится всё материальное и даже нематериальное, несмотря на бесконечную сложность всего сущего.

Это парадокс «с двойным дном»: первое — человеческая мысль, сама по себе крайне путаная и витиеватая, должна опираться в конце концов на какую-то определённую, выраженную хотя бы в виде формул и законов. И есть люди, которые прямо следуют этим законам, даже открывают новые, но они достаточно устойчивы в этом мире, потому что понимают и признают: одно непременно зависит от другого, третьего и т.д.

Но есть другие люди, которые вроде бы и признают правоту первых, но одним это скучно по причине их художественной одарённости, другие, понимая, что жить по правде не просто скучно, но и хлопотно, да и не разбогатеешь. Есть ещё третьи, четвертые, пятые...

Ревнитель истинности научного знания, в чем-то даже «упёртый», упрямый академик Эдуард Кругляков иным представляется неким негибким ломом. На мой взгляд, «иногда, порой и кое-где» это просто необходимо. Вчитываешься в очередное издание его книги «Учёные с большой дороги» и понимаешь: тот, кто боится его — пусть боится. Но этот не только ученый, но и борец, и публицист, кроме всего прочего, ещё и стопроцентный, если так можно сказать, диалектик, для которого научная истина — главное прибежище подлинной духовности...»

Эдуард Павлович Кругляков прожил замечательную большую жизнь, которая не измеряется просто годами: он выполнил свою миссию — определил вектор современной борьбы с невежеством. Науке и обществу во все времена нужны такие люди, но, может быть, на переломе тысячелетий в них нужда особенная. В этом глубина оптимистической трагедии академика Круглякова.

Алексей Надточий, «НВС»

Источник:

Надточий А. На передовой – брешь // [Наука в Сибири](#). – 2012. – N 44. – С.2.